

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

© Марочкин С.Ю.

*Доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой международного права
Тюменский государственный университет
Россия*

Начало нового столетия и тысячелетия отмечено особыми чертами. Усиливается взаимосвязанность и целостность мира, многие внутригосударственные и региональные проблемы обретают всеобщий характер. Это свидетельствует о процессе глобализации, который является, очевидно, неуклонным и необратимым. Проявляется тенденция интеграции, “стирания” границ, создания единого (общего) политического, экономического, финансового, правового пространства, в частности, в пределах европейского региона, имеющая предпосылки к развитию и расширению.

Данные процессы сказываются на развитии и содержании международного права. В нем происходят определенные изменения, влияющие на его природу, характерные особенности, значение на общемировом и национальном уровнях.

Будучи изначально по своей природе координационным, международное право обретает и черты наднационального характера, в нем появляются субординационные элементы, что сопровождается учреждением соответствующих институционных структур.

Нарастание общечеловеческих проблем создает все предпосылки к расширению сферы общего международного права. Неизбежно и увеличение числа императивных норм общего международного права *jus cogens*.

Международное право становится общим не только на международной арене как основа взаимоотношений государств, но и как основа создания общего правового режима, общего правового поля в территориальных пределах государств, и, прежде всего, в сфере прав человека, вообще статуса личности. Быстрое становление и беспрецедентно бурное развитие в международном праве за последние полвека отрасли прав человека – одно из самых значительных достижений.

Смещаются акценты в значимости тех или иных принципов среди основных принципов международного права. Безусловно, все они должны толковаться и применяться во взаимосвязи. Но это не исключает, вместе с тем, что в определенный исторический период тот или иной принцип может иметь большее либо даже основополагающее

значение. В разное время такими были принципы мирного сосуществования, государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела. Государственные границы, суверенитет, невмешательство уже не имеют прежнего значения, утрачивают черты незыблемости и абсолютности. Это явление и даже веление времени, отмечаемое как официальными лицами, так и учеными. Сошлемся, в частности, на “Обращение к деканам юридических факультетов во всем мире” заместителя Генерального секретаря ООН Х. Корелла.

Превалируют общечеловеческие проблемы, и ведущее значение, очевидно, обретает принцип уважения прав человека. Тем не менее в отечественной доктрине до сих пор отстаивается незыблемость и абсолютность принципов государственного суверенитета и невмешательства. Представляется, что это вчерашний день. Вполне обоснованным с точки зрения международного права видится гуманитарное вмешательство международного сообщества с целью защиты прав человека в той или иной стране. Безусловно, любые меры должны применяться в соответствии с действующим правом. Деятельность ООН свидетельствует о том, что ее главные органы не принимали и не принимают во внимание ссылки на невмешательство и суверенитет, когда вопрос касается обеспечения и защиты прав человека. Интересно заметить попутно, что возможность такого вмешательства допускает русская церковь. В “Основах социальной концепции русской православной церкви”, утвержденных Архиерейским собором 16 августа 2000 г. говорится: “принятие обязывающих решений без согласия государства, на которое эти решения оказывают прямое влияние, возможно лишь в случае агрессии или массового человекоубийства внутри страны”.

Потребность времени – дальнейшая гуманизация международного права. Проблема не в признании и закреплении прав человека и механизмов их защиты – прошедшие полвека отмечены беспрецедентными достижениями в этом направлении. Международное право должно быть менее этатистским (правом на уровне государств и межгосударственных структур). Соответственно, и круг его субъектов должен расширяться и не ограничиваться государствами. В международной жизни принимают все большее участие и оказывают растущее влияние неправительственные структуры – международные общественные организации, ТНК, СМИ, объединения физических и юридических лиц (в частности, деятельность МККК – яркое подтверждение). И субъектами международного права не могут быть только государства и их объединения, уже поскольку участниками международного общения являются давно и далеко не только они. Еще из оговорки Ф.Ф. Мартенса вытекает, что международное право действует не только в отношении государств, но и непосредственно в отношении людей. Есть основания ожидать, что международное право XXI века будет правом человека, в центре его внимания будет человек.

Преобладающая тенденция к строительству цивилизованного

правового государства во многих странах предполагает наличие развитого гражданского общества и возможность его влияния на государство. Вполне обоснованно говорить о необходимости наличия и мирового гражданского общества и его воздействия на сообщество государств и межгосударственных организаций. Применительно к ООН в “Докладе тысячелетия” Генеральный секретарь этой организации подчеркнул необходимость внести коррективы в работу Организации, чтобы она могла в полной мере использовать потенциал гражданского общества (UN doc. A/54/2000). В частности, по Плану действий, разработанному Секретариатом ООН, роль гражданского общества может быть значительной в содействии подписанию и ратификации многосторонних договоров.

Нормы и институты о правах человека образуют едва ли не самую обширную и динамично развивающуюся в настоящее время отрасль международного права. Название “международное гуманитарное право” (МГП) вряд ли уже адекватно той части норм, которые рассчитаны на действие и применение в вооруженных конфликтах. На рубеже XIX-XX веков международное гуманитарное право формировалось как международные правила войны. На рубеже XX-XXI веков оно должно, очевидно, рассматриваться как право прав человека и в мирное, и в военное время. Такой подход находит все более широкую поддержку.

Основная проблема надлежащего функционирования международного гуманитарного права (МГП), как и любой отрасли, – его реализация. Чаще всего, как свидетельствуют выступления и материалы прошлогодних Мартенсовских чтений, имплементация связывается с нормотворческим процессом – через воплощение норм МГП в нормах национального права, через унификацию законодательств государств и т.д. Понятны необходимость, смысл и назначение такого пути, ибо многие нормы МГП имеют общий характер, позволяющий их разное толкование и ведущий к различиям в законодательстве разных стран. Вместе с тем данный путь достаточно длительный, громоздкий и затратный. Другой путь, более короткий и экономичный – непосредственное действие и применение норм. Многие нормы МГП являются самоисполнимыми. Безусловно, все зависит от особенностей правовой системы той или иной страны. Что касается России, то ее правовая система вполне допускает данный путь, “настроена” на него. Вряд ли аргументом против него может служить, как было отмечено на прошлогодних чтениях, что многие нормы МГП плохо либо вообще не увязаны с внутригосударственным законодательством, прежде всего с ведомственным нормотворчеством. Неоценимую роль в непосредственном выполнении могут сыграть обучение основам МГП, нормативные приказы и инструкции в рамках министерств, наиболее тесно связанных с его применением, о толковании и соблюдении его норм (примерами могут служить принятые в свое время приказы по линии министерств обороны и внутренних дел).